УДК 81.42

DOI 10.23951/1609-624X-2020-5-96-102

ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В АСПЕКТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. В. Цуканова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск

Введение. Рассмотрена специфика юридического дискурса в аспекте его институциональной принадлежности и пространственной концептуализации метафорической терминологии.

Цель статьи – выявить взаимосвязь между пространственной (горизонталь/вертикаль) концептуализацией метафорической терминологии русского юридического дискурса и системой классификации законодательства Российской Федерации.

Материал и методы. Рассматривается понятие «юридический дискурс», а также его специфика через призму отраслевой классификации законодательной системы России. Концептуальная структура законодательства в виде горизонтальной классификации по отраслям права и вертикальной иерархической системы метафоричности проявляется через терминологию юридического дискурса.

Результаты и обсуждение. Концептуализация в области метафорической терминологии напрямую отражает концептуальную структуру области права. Несмотря на разнообразие оснований типологизации юридического дискурса, концептуализация знаниевых структур зависит от отрасли права. Метафорические термины выступают конструктами определенной отрасли юридического дискурса, транслируя особые концепты ментальности относительно объектов в рамках данного института права.

Заключение. При анализе специфики институционального юридического дискурса обнаружена обусловленность концептуализации знаний, которые привлекаются для метафорического моделирования юридической терминологии. Номинативные средства трансляции системы понятий базируются на терминологической понятийной системе и обусловлены юридическим контекстом (отраслью). Состав знаниевых структур терминологии юридического дискурса обусловлен эволюцией правового знания в рамках языковой и социокультурной принадлежности.

Ключевые слова: *юридический дискурс, пространственная концептуализация, юридический термин, концептуальная метафора.*

Введение

В последнее время междисциплинарные исследования на пересечении лингвистики и юриспруденции приняли системный характер. Юрислингвистика, судебная лингвистика, лингвоюрисдика, лингвокриминалистика, судебное речеведение, относясь к языку права, представляют юридический дискурс как вид институционального дискурса, который, включая в состав законодательный, судебный, адвокатский, административный дискурсы, оправдывает определение «метадискурса» [1, с. 44]. Проблемам юридического дискурса посвящены работы исследователей [1–8], большинство из которых разделяют социолингвистическую позицию принадлежности юридического дискурса к институциональному типу, с заданными границами статусно-ролевых отношений в обществе. Исследуя правовой дискурс, авторы фокусируют интерес на его отдельных аспектах: природе судебного дискурса с позиции ментальной сущности [6], специфике юрислингвистики как научного дискурса, рассматривая языковые параметры текстов, анализируя официально-деловой и научный функциональные стили в языке права [7], а также изучают аксиомы права как ценностно-регулятивные основания юридического дискурса, предписываю-

щие развитие коммуникативных событий в институциональной среде [5].

Дискурс выступает объектом междисциплинарных исследований. Принадлежность институционального дискурса к определенной профессиональной сфере маркируется конкретными параметрами, такими как границы функционирования, лексическая составляющая, иерархическая структура. В своем исследовании мы разделяем мнение А. А. Сусова в его определении понятия «юридический дискурс»: «...текст права в динамике, в процессе толкования и разъяснения, основными слагаемыми которого являются **терминология** и принципы формирования текстов, функционирующих в области юриспруденции и относящихся к различным жанрам юридического дискурса» [9, с. 10].

Юридическая терминология претендует на уникальность в том смысле, что она отличается обширностью сфер применения. Причина в том, что язык юридического дискурса, представляя определенный коммуникативный код с заданной структурой побудительных мотивов и стимулов взаимодействия общества, выступает инструментом регулирования общественных отношений различных сфер жизни. Специфичность институциональных дискурсов обусловлена регламентом концептуали-

зации знаний, особой иерархией участников внутри дискурса, набором семантических, синтаксических, прагматических характеристик, объединенных одним кодом для достижения целей «акторами» институционального дискурса [10].

Фокусируя свое исследование на метафорической составляющей русской терминологии юридического дискурса, мы предполагаем, что концептуализация метафорических терминов обусловлена спецификой классификации законодательной системы РФ. Цель данной статьи – выявление взаимосвязи между пространственной (горизонталь/вертикаль) концептуализацией метафорической терминологии русского юридического дискурса и системой классификации законодательной системы РФ. Для достижения поставленной цели нам необходимо проанализировать существующие подходы к систематизации структуры знаний в системе дискурса и рассмотреть типологию российской системы юриспруденции.

Для решения первой задачи рассмотрим подходы к анализу дискурса, которые, на наш взгляд, способны доказать выдвинутое предположение о взаимосвязи концептуализации знаниевых структур в составе юридических терминов и системы классификации законодательства.

Т. А. ван Дейк определяет дискурс как сложное коммуникативное явление, включающее текст и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), где значимыми выступают такие параметры, как «структуры представления знаний» и «способы концептуальной организации» дискурса [11, с. 8]. В связи со сложностью самого объекта в качестве основных подходов к анализу дискурса выделяют следующие, ни один из которых не выступает в «чистом» виде, т. е. не заимствует элементы других теорий, где основой соотношения подходов между собой является принцип фокусировки, а не оппозиции или альтернативного выбора [12]:

- лингвистические подходы предполагают использование методов социолингвистики, психолингвистики, лингвосинергетики, лингвокультурологии и других лингвистических направлений;

- семиотические подходы трактуют дискурс через призму «знаково-символического культурного образования»;

- социокоммуникативный подход базируется на коммуникативных целях и социальных функциях;

- постмодернистское понимание дискурса сосредоточено на конструировании реальности в сетевом коммуникативном пространстве;

- критический дискурс-анализ подразумевает объединение кратологической, лингвистической, семиотической и социально-коммуникативной трактовки.

Итак, анализ дискурса производится в контекстуальном, социальном, культурном, историческом и политическом контексте. Основной тип репрезентации знаний в дискурсе, выделяемый Т. А. ван Дейком, – это «ситуационная модель», которая «функционирует, изменяется» и состоит из «личностных знаний носителей языка», аккумулирующих их предшествовавший индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции», где главная задача – установление закономерностей существования данной модели. Содержание и форма дискурса определяются когнитивными установками (фреймами), которые не являются «произвольно выделяемыми кусками знания», а представляют систему единиц вокруг определенного концепта [11, с. 16]. Концептуальные фреймы (сценарии) организуют социальное поведение, которое предопределено коммуникативной ситуацией и происходящими событиями. Автор указывает на связь речевых актов с фреймами, что обусловлено некой «типизированной последовательностью речевых актов», особенно тех, что носят «ритуальный» характер, или институализированных речевых актов.

По аналогии с Т. А. ван Дейком, Э. Лакло и Ш. Муфф [13, с. 56] утверждают, что дискурс представляет совокупность фиксированных значений в пределах специфической области, т. е. он формирует социальный мир посредством значений, которые в свою очередь непостоянны по причине непрерывного изменения языка. Дискурсы также постоянно изменяются вследствие контакта друг с другом. Все знаки внутри дискурса авторы теории определяют как «моменты» в системе, где значение каждого знака определено их отношением к другим знакам [13, с. 57]. Формирование дискурса происходит за счет упорядочивания системы значений вокруг определенных «узловых точек». Значения знака в дискурсе идентифицируются с помощью «артикуляции», а именно расположения знака относительно других знаков с целью установления практики отношений между элементами дискурса.

В продолжение установления взаимосвязи социальной структурной обусловленности дискурса и его концептуального содержимого, Р. Johnson-Laird утверждает, что ментальные репрезентации дискурса проявляются через элементы, относящиеся к одной из трех категорий: *объект, свойство и отношения*, которые объединены «родовым термином» – концепт [14, с. 307]. Реализация категории *объектов* (entities) в языке осуществляется за счет существительных, в то время как *свойства* представляют характеристики, приписываемые *объектам*, а *отношения* проявляются через различные события и действия и выступают связующими звеньями для объектов. Ментальная репрезентация

через набор определенных фактов, которые коррелируют с некой ожидаемой структурой, позволяет нам проецировать происходящее событие в рамках определенного дискурса [15, с. 64]. Источником ожидаемых структур выступают одновременно культурный опыт и содержание. «Ожидаемость структур» соотносится с понятиями «определенности референции» и «неопределенности референции», где «референтным» выступает объект, который способен заполнить слот в ментальной репрезентации говорящего, а «нереферентный» объект не заполняет слота [15, с. 71]. Именно этот аспект юридического дискурса представляет для нас особый интерес.

Содержание дискурса права обусловлено историческим развитием нации, и концепты, которые воспроизводят те или иные институциональные дискурсы, являются «характерными» только для данного института [10]. Создание новых концептов, образов и понятий напрямую связано с социальной и когнитивной деятельностью. Обусловленность юридическим контекстом формирует совокупность номинативных средств трансляции системы понятий, которая, учитывая специфичность институциональной деятельности, базируется на терминологической понятийной системе [16]. Для решения второй задачи необходимо обратиться к одной из классификаций современного законодательства РФ, где основным критерием выступает отрасль права. Отрасль права определяется как «наиболее крупное и относительно самостоятельное подразделение системы права, включающее в себя правовые нормы, регулирующие определенную, качественно обособленную сферу общественных отношений и обычно требующие специфических средств правового воздействия» [17, с. 302]. Современная система российского права включает следующие отрасли: конституционное (государственное право), административное, финансовое, гражданское, семейное, трудовое, право социального обеспечения, природоресурсное, уголовное, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, арбитражно-процессуальное, уголовно-исполнительное, международное публичное и международное частное право [17, с. 309]. Распределение «ролей» внутри дискурса происходит исходя из вида правовых норм в зависимости от отрасли права.

Отраслевую систему законодательства классифицируют как горизонтальную, наряду с которой выделяют вертикальную (иерархическую) систему законодательства. В основе последней заложено «разделение нормативных актов в зависимости от их юридической силы и органов государственной власти, которые их принимают» [17, с. 315], где выделяют законы, имеющие высшую юридическую силу и подзаконные нормативные акты.

1. Вершину вертикальной классификации *представляет общеправовая терминология*, которая закреплена в Основном законе и иных законодательных актах и обозначает самые широкие понятия, а также объединяет термины, которые используются во всех отраслях права.

2. Горизонтальная терминология включает различные виды межотраслевых и отраслевых терминосистем. В состав межотраслевой терминологии входят термины, которые используются в нескольких отраслях права. По мнению автора данной классификации, А. С. Пиголкина, основной объем юридических терминов приходится на межотраслевую терминологию, а количество отраслевых терминов сравнительно невелико.

Данная классификация выступает важным и надежным инструментом «научно обоснованной кодификации законодательства» [17, с. 295].

Материал и методы

Материалом исследования послужил метафорический фрагмент терминосистемы юриспруденции (1 001 метафорический термин), 194 из которых относятся к категории ПРОСТРАНСТВО. В качестве ведущей методологии выступает теория концептуальной метафоры [18], а также метафорическое моделирование, позволяющие проследить взаимосвязь концептуализации метафорических юридических терминов с пространственной концептуализацией юридического дискурса, модель которой заложена в основу типологизации юридической системы РФ. Моделирование дискурсивного пространства (профессионального, институционального, научного) предполагает теоретическое осмысление мира, которое базируется на основе использования когнитивных моделей [19, с. 163]. Системы когнитивных моделей выстраивают научные пространства и изменяются в рамках определенной доминантной идеи, системы координат, парадигмы [20, с. 8]. В работе Н. А. Мишанкиной утверждается, что метафора «выступает одним из базовых способов представления информации» [20, с. 8], а метафорические модели в терминологической системе моделируют пространство научной деятельности и представляют специфичность его организации [21, с. 25].

Результаты и обсуждение

Систематизация российской законодательной системы по принципу горизонталь/вертикаль находит отражение в пространственной концептуализации юридической терминологии. Вертикаль и горизонталь относятся к признакам пространственной ориентации, чей концепт, в рамках лингвокультурного подхода, признается «формой бытия реального феномена, который транслирует-

ся в различные сферы человеческого бытия» [22, с. 25].

В данной работе мы фокусируем интерес на выявлении взаимосвязи между пространственной типологией системы законодательства и концептуализацией ПРОСТРАНСТВА 1) как общего понятия, 2) через горизонтальное (по оси вперед-назад и вправо-влево) и 3) вертикальное измерение в метафорической терминологии. Из 194 метафорических терминов категории ПРОСТРАНСТВО, 79 метафорических терминов отражают концепт горизонтальной проекции и 43 актуализируют модель вертикальной проекции, что указывает на факт превалирования горизонтали в пространственном мышлении при концептуализации пространства юридического дискурса на примере метафорической терминологии.

1. ПРОСТРАНСТВО как общее понятие:

– представление о границах используется в метафорической концептуализации юридических понятий довольно последовательно, при этом нельзя говорить о расположении (вертикальном/горизонтальном) этих границ. Важным оказывается только представление о доступности и возможности/невозможности выйти за пределы. В этом случае актуально представление о «границе» (*ограниченная вменяемость, ограничения дарения, граница бедности*), «пределе» (*предельная сумма бюджета, предельный возраст*), «рамках» (*держаться в рамках закона*), а также о степени доступности пространства (*открытое/закрытое слушание дела, открытое/закрытое разбирательство, открытое/закрытое голосование, скрытая инфляция*) и его дифференцированности (*внешняя внутренняя функция, внутреннее финансирование*);

– представление о протяженности и движении без указания направления. В этом случае актуализируется представление о маршруте и цели: *денежный курс, достигать договоренности*;

– представление о местонахождении в пространстве: *социальное положение, положение на рынке, фактическое положение дел, семейное положение*.

В этом случае правовая сфера концептуализируется как отдельное пространство, имеющее определенные характеристики, в котором и действует индивид – субъект или объект дискурса.

2. Горизонтальное измерение пространства определяется как «линия, направление, прямая, параллельная плоскости горизонта» [23]. Концептуализация горизонтальной проекции в метафорических терминах представлена:

– ссылками на расположение в пространстве в каком-либо направлении относительно участников событий юридического дискурса: *прения сторон, стороны по делу, враждующие стороны*;

– способами перемещения в пространстве: *вести дело о разводе, проводить законы в жизнь (очную ставку, перепись населения), нести расходы (уголовную ответственность, воинскую службу), денежное обращение*;

– характеристиками направления перемещения в пространстве без указания сторон света: *встречная претензия (предложение, возражение, уведомление), обратная уступка (эффект, связь)*.

Выявленные в данном аспекте метафорические термины актуализируют модель перемещение объекта в пространстве, где объект (доказывание, решение, определение, постановление) перемещается в горизонтальной плоскости от инстанции к инстанции в зависимости от принадлежности юрисдикции разбирательства.

3. Вертикальное измерение актуализируется:

– как реализация концепта «верх-низ» [18], когда профилируется иерархическая концептуализация законодательной системы как высшего законодательного органа: *возлагать/снимать ответственность (вину, задачу)*;

– как пространственная вертикальная граница/степень воплощения объекта, реализации события через метафорическую модель GOOD IS UP, BAD IS DOWN [18]: *уровень жизни (производства), высшая ценность, занимать высокий пост, высшая мера наказания*;

– как способ расположения/размещения в пространстве: *устанавливать дипломатические отношения (регламент, закон), устойчивый рынок (курс)*.

Приведенные примеры позволяют проследить тесную связь пространственных представлений с основными координатными осями горизонталь/вертикаль. Таким образом, ПРОСТРАНСТВО служит конструктом для создания новых ментальных структур на основе уже существующих. Нам удалось обнаружить связь концептуализации пространственных метафорических представлений в терминологии со сферами профессиональной деятельности в системе классификации законодательства РФ.

Заключение

Язык, выступая средством хранения, трансляции информации, проникает во все сферы деятельности человека, отражая роли, процедуры, модели поведения субъектов и объектов внутри институционального дискурса. Универсальность и специфичность концептуального моделирования юридической терминологии русского языка обусловлены пространственным (вертикаль/горизонталь) проецированием системы институционального дискурса. Установленная взаимосвязь отражает социальную, культурную, языковую, национальную специ-

фику, которая транслируется через призму ментальной концептуализации в метафорической терминологии.

Рассмотренные нами подходы к анализу дискурса показывают, что дискурс концептуально организован за счет системы структурированных концептов. Нам удалось установить, что правоотношения в рамках законодательной системы РФ, которые отражены через метафори-

ческую терминологию, концептуализируются через события и действия в горизонтальной и вертикальной проекции системы законодательства и образуют модель концептов юридического дискурса. Стоит отметить, что многомерный и разноплановый пространственный концепт не ограничен только категориями ВЕРТИКАЛЬ и ГОРИЗОНТАЛЬ, что открывает дальнейшие перспективы исследования.

Список литературы

1. Хомутова Т. Н., Шефер Е. А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Bulletin of South Ural State University. Ser. Linguistics. 2019. Vol. 16, № 3. Р. 44–53.
2. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. Юрлингвистика-1. Проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. С. 11–58.
3. Косоногова О. В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 1. С. 61–65.
4. Мартышко Н. Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 201 с.
5. Палашевская И. В. Аксиологические основания юридического дискурса: аксиомы права // Научный диалог. 2017. № 11. С. 144–156.
6. Попова Е. В. Природа судебного дискурса // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2016. № 6 (194). С. 24–29.
7. Харина Р. С. Юридический текст как объект лингвистического исследования // Вестн. Башкирского ун-та. 2014. Т. 19, № 3. С. 982.
8. Хижняк С. П. Новое в исследовании терминологических систем (на примере юридической терминологии) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Филология. 2008. № 1. С. 92–99.
9. Сусов А. А. Моделирование дискурса в терминах теории риторической структуры // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 2. С. 10–13.
10. Кожемякин Е. А. Современный дискурс-анализ. Электронный журнал. 2014. 63 с. URL: <http://discourseanalysis.org/ada3/st30.shtml> (дата обращения: 21.03.2020).
11. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
12. Русакова О. Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2007. Вып. 7. С. 5–34.
13. Йоргансен М. В., Филипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод: пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 325 с.
14. Johnson-Laird P.N. Mental models. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. 398 p.
15. Дули Р., Левинсон С. Анализ дискурса: базовые понятия. М.: Ин-т перевода Библии, 2019. 168 с.
16. Будаев Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 406 с.
17. Пиголкин А. С., Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Теория государства и права: учеб. для академического бакалавриата / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 516 с. URL: <https://www.biblio-online.ru/bcode/431082> (дата обращения: 20.03.2020).
18. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
19. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
20. Мишанкина Н. А. Ментальное пространство научного текста: Метафорические модели // Вестн. Томского гос. ун-та. 2007. № 297. С. 7–11.
21. Мишанкина Н. А. Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32–45.
22. Евтушенко Е. Н. Концепт «Пространственная ориентация» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 28 с.
23. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1983. 749 с.

Цуканова Елена Васильевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050). E-mail: cev@tpu.ru

Материал поступил в редакцию 15.04.2020.

LEGAL DISCOURSE IN THE ASPECT OF INSTITUTIONAL SPECIFICITY: LINGUISTIC ASPECT

E. V. Tsukanova

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The article highlights the specifics of the legal discourse in the aspect of its institutional interdependence and space conceptualization of metaphor terminology.

The aim of the article is to identify the interrelation between the SPACE (horizontal/vertical) conceptualization of the metaphorical terminology of the Russian legal discourse and the horizontal line classification by branches of law and the vertical hierarchical system of the Russian legislation system.

Material and methods. The legal discourse notion and its specificity is considered through the prism of legislative system branch classification accepted in the Russian Federation. The conceptual structure of the legislation system arranged in the form of the horizontal line classification by branches of law and the vertical hierarchical system of conceptual metaphor representation is realized through the terminology of the legal discourse.

Results and discussion. Conceptualization in the field of metaphor terminology directly reflects the conceptual structure of the law branch. Although there is a broad variety of grounds for classification typology, the conceptualization of knowledge structures depends directly on the branch of law. Legal branch metaphor terms are constructs of a particular branch of legal discourse, which transfer special concepts of mentality regarding the objects of a particular branch of legal discourse.

Conclusion. The analysis of the specifics of the institutional legal discourse reveals the conditionality and interdependence of the knowledge conceptualization within metaphor modeling in the legal terminology. The nominative means for the concepts system transfer are based on the terminology concept system and are determined mainly by the legal context (i.e. legal branch). The content of the knowledge structures in the legal discourse terminology is determined and influenced by the evolution of the legal knowledge within the framework of language and socio-cultural community.

Keywords: legal discourse, space conceptualization, legal term, conceptual metaphor.

References

1. Khomutova T. N., Shefer E. A. Yuridicheskiy diskurs: problemy i perspektivy issledovaniya [Legal discourse: problems and research prospects]. *South Ural State University Bulletin. Seriya: Linguistics*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 44–53 (in Russian).
2. Golev N. D. Yuridicheskiy aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshchenii [Legal aspect of language from linguistic one rview]. *Yurilingvistika – I. Problemy i perspektivy* [Legal linguistics-1. Problems and prospects]. Barnaul, 1999. p. 11–58 (in Russian).
3. Kosonogova O. V. Kharakteristiki yuridicheskogo diskursa: granitsy, sodержaniye, parametry [Characheristics of legal discourse: boundaries, contents, parametres]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and social-educational idea*, 2015, vol. 7, no. 1, pp. 61–65 (in Russian).
4. Martyshko N. Yu. *Smyslovaya modifikatsiya terminov v sovremennom zakonodatel'nom diskurse*. Dis. kand. filol. nauk [Meaning modification of terminology in modern legal discourse. Diss. cand. philol. sci.]. Volgograd, 2015. 201 p. (in Russian).
5. Palashevskaya I. V. Aksiologicheskiye osnovaniya yuridicheskogo diskursa: aksiomy prava [Axiological foundations of legal discourse: legal axioms]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2017, no. 11, pp. 144–156 (in Russian).
6. Popova E. V. Priroda sudebnogo diskursa [Nature of legal discourse]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*, 2016, no. 6, (194), pp. 24–29 (in Russian).
7. Kharina R. S. Yuridicheskiy tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya [Legal text as the object for linguistic investigation]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2014, vol. 19, no. 3, pp. 982–986 (in Russian).
8. Khizhnyak S. P. Novoye v issledovanii terminologicheskikh sistem (na primere yuridicheskoy terminologii) [New issues in terminology system research (based on legal terminology)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy, Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki. Filologiyayu*, no. 1, 2008, pp. 92–99 (in Russian).
9. Susov A. A. Modelirovaniye diskursa v terminakh teorii ritoricheskoy struktury [Discourse modeling in terminology of rhetoric structure]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2006, no. 2, pp. 10–13 (in Russian).
10. Kozhemyakin E. A. *Sovremennyy diskurs analiz. Elektronnyy zhurnal* [Modern discourse analysis. E-journal]. 2014. 63 p. (in Russian). URL: <http://discourseanalysis.org/ada3/st30.shtml>. (accessed 21 March 2020).
11. Van Dejk T. A. *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, BGK im. I. A. Boduena de Kurtene Publ., 2000. 308 p. (in Russian).
12. Rusakova O. F. Osnovnye teoretiko-metodologicheskiye podkhody k interpretatsii diskursa [Basic theoretical and methodological approaches to discourse interpretation]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filisofii i prava UrO RAN*, 2007, no. 7, pp. 5–34 (in Russian).

13. Jorgansen M. V., Filips L. Dzh. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse analysis. Theory and method. Transl. from Eng.]. Kharkiv, Gumanitarnyy Tsentr Publ., 2008. 325 p. (in Russian).
14. Johnson-Laird P. N. *Mental models*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. 398 p.
15. Duli R., Levinson S. *Analiz diskursa: bazovye ponyatiya* [Discourse analysis: basic notions]. Moscow, Institut perevoda Biblii Publ., 2019. 168 p. (in Russian).
16. Budayev E. V. *Metaforicheskoye modelirovaniye postsovetskoy deystvitel'nosti v rossiyskom i britanskom politicheskom diskurse*. Dis. kand. filol. nauk [Metaphor modeling of post Soviet reality in Russian and British political discourse. Diss. cand. philol. sci.]. Ekaterinburg, 2006. 406 p. (in Russian).
17. Pigolkin A. S., Golovistikova A. N., Dmitriyev Yu. A. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [State and law theory: tutorial for academic bachelors]. Edited by A. S. Pigolkin, Yu. A. Dmitriyev. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 516 p. (in Russian). URL: HYPERLINK "https://www.biblio-online.ru/bcode/431082/t_blankhttps://www.biblio-online.ru/bcode/431082" (accessed 20 March 2020).
18. Lakoff D., Dzhonson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by: transl. from Eng.]. Edited and prefaced by A. N. Baranov. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (in Russian).
19. Lakoff G. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii* [Women, fire and dangerous things: what language categories tell us about cognition]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 792 p. (in Russian).
20. Mishankina N. A. Mental'nye prostranstvo nauchnogo teksta: Metaforicheskiye modeli [Mental space of scientific text: metaphor models]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2007, no. 297, pp. 7–11 (in Russian).
21. Mishankina N. A. Metafora v terminologicheskikh sistemakh: funktsii i modeli [Metaphor in terminology systems: functions and models]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 4 (20), pp. 32–45 (in Russian).
22. Evtushenko E. N. *Kontsept "Prostranstvennaya oriyentatsiya" v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [The concept of 'space orientation' in English and Russian lingvocultures. Diss. cand. philol. sci.]. Volgograd, 2004. 28 p. (in Russian).
23. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian language dictionary: 4 volumes]. Ed. by A. P. Evgen'yeva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1983. 749 p. (in Russian).

Tsukanova E. V., Postgraduate Student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: cev@tpu.ru